

УДК 81'16'23'42:17.022.1

КУЗНЕЦОВА Анна Владимировна,доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания
Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: avk21@yandex.ru; тел.: 007(863) 2831334; моб.: +7 918 5002312**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОГНИЦИЯ: МЕТАТЕКСТ В РЕФЛЕКСИВНО-
ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация. Изучение метатекста с позиций современной лингвистики соотносится с антропоцентрической исследовательской парадигмой. Метатекст осмысливается в координатах модусных категорий: авторизации как квалификации сообщаемой информации в оппозиции «свое / чужое» слово», оценочности как аксиологической составляющей сообщаемого или его части, персуазивности (оценки говорящим полноты / неполноты своих знаний о достоверности сообщаемой информации), обеспечивая, в целом, эстетическую когнитивную деятельность продуцента и реципиента художественного текста. Особенности структурно-семантической и прагматической организации такого текста обуславливаются интертекстуальностью и его метатекстовыми характеристиками.

Ключевые слова: интерпретация, интертекстуальность, лингвокогнитивный потенциал, метатекст, прагматикон.

Художественная коммуникация, представляя собой интеллектуально-эмоциональную связь автора и читателя (адресата, реципиента), осуществляется посредством художественного текста. Эстетическая когнициция, которая является конечной целью художественной коммуникации, детерминирована характером художественной информации, авторской аксиологии, художественной концепцией и закономерно имеет двусторонний характер. Безусловно, реципиент не только воспринимает художественный текст, но также участвует в осуществлении эстетической когнициции на основе усвоенной художественной информации. В установлении онтологического статуса художественного текста одинаково важная роль принадлежит и автору, и читателю с его способностью и готовностью к взаимодействию с автором. Такое взаимодействие определяется историческим, групповым и личным опытом реципиента, что обуславливает наличие диалогических отношений между текстом и реципиентом. Поэтому глубина понимания художественного текста зависит от читательской компетентности, прежде всего, общекультурного уровня. Изменчивость смысла художественного текста зависит от насыщенности «диалога» авторского опыта, консервированного в тексте, и опыта реципиента. Однако количество интерпретаций текста всё же не бесконечно ввиду целостного характера аксиологических установок и семантического наполнения художественных структур, что образует рефлексивно-интерпретативное пространство конкретного художественного текста. В этом пространстве представлен некий интерпретативный инвариант, который исключает произвольность прочтения и истолкования эстетических смыслов и обеспечивает диалектику открытости и герметичности художественного текста.

Художественный текст — не только воплощение структурных норм, но и их нарушение; и его существование может быть адекватно воспринято только в диалектическом взаимодействии этих разнонаправленных векторов. Аномальное становится краеугольным камнем художественной структуры, поскольку всегда является семиотическим, обладающим высокой степенью информативной компрессии. Стандартные, типовые контексты создают условия для реализации узуального значения слова, тогда как нетипичные контексты предполагают употребление лексических единиц в еще не закреплённых узусом значениях, выявляя их возможный семантический потенциал. Такие нетипичные контексты составляют основу художественного дискурса. При этом важно подчеркнуть, что этот процесс протекает без нарушения понимания смысла высказывания, так как инновации имеют ассоциативные связи с закреплёнными в языковой системе единицами.

Литература обращается к аномальному и исключительному не только вследствие желания привлечь внимание и удивить. Ненормативное явление само по себе воспринимается семиотически, как *знак скрытого смысла*. Именно «ненормированность» выступает маркером эстетической когнициции. Высказывание М. Хайдеггера подтверждает этот тезис: «Так ли мы в языке, что касается его существа, понимаем его как язык и, вслушиваясь собственно в него, воспринимаем его?» [6, с. 259]. Но сущность художественного творчества состоит вовсе не в постоянных поисках аномалий, а лишь в реализации принципа различительности, выделения аномального на фоне нормы, обращённости тем самым к согласованности норм жанра и семантических правил. Норма как основное понятие культуры речи трактуется теперь не как «норма запрета», а как «норма выбора», что, соответственно, обуславливает ориентированность современной науки о языке на когнитивную лингвистику и лингвопрагматику. С этой точки зрения, художественная литература как вид искусства, активно воздействующий на реципиента с помощью различных изобразительно-выразительных средств, также включается в сферу прагмалингвистических исследований.

Поэтому кроме своей изначальной «ненормированности», в силу принадлежности к литературе как виду искусства, на уровне сочетания эстетических знаков, а значит, обладая потенциалом эстетической когнициции, художественный текст несёт в себе и «ненормированность» на уровне отражения языковыми средствами национальной и индивидуальной картин мира. Многослойная структура

художественного текста, интерпретативная вариативность и многоуровневость являются следствием взаимодействия лингвистического и экстралингвистического компонентов в дискурсивной деятельности продуцента, которая поддержана метатекстовой и метапоэтической активностью автора.

Определяющее значение для осмысления литературно-художественного творчества и собственно филологических проблем имеют те направления когнитивной науки, которые связаны с «человеческим разумом и мышлением и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, предметом которых является когниция — познание и связанные с ним структуры и процессы» [3, с. 58], имеющие дело с репрезентацией внешнего и внутреннего мира мыслящего субъекта. Для изучения художественного текста важен, прежде всего, тезис когнитивизма о том, что «когниция равносильна операциям с символами, она представляет собой, таким образом, некое вычисление» [3, с. 47].

Нет таких текстов, которые не являлись бы конечным итогом *дискурсивной*, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. *Текст отражает речемыслительный акт*, поэтому понятия текста и дискурса следует различать, но они отнюдь не противопоставлены друг другу, не являются взаимоисключающими. Слово в художественном тексте (и дискурсе!) предстаёт не как парадигма словоформ и значений, но как парадигма контекстов, конкретных словоупотреблений в их синтагматических связях. Смысл создания художественного текста состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства. Под таким углом зрения текст становится возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, что позволяет установить, какое видение мира отражено в данном тексте, какие именно фрагменты знания и оценок в нём закреплены и пр. Когнитивный и структурно-семантический методы анализа позволяют выявлять единицы художественного текста, обладающие потенциальностью интегрирования в смыслы, концепты. Образование новой семантики в художественном тексте осуществляется разными путями.

Каждый художественный текст обладает своей фоновой парадигматикой, строящейся из языковых составляющих текста. Идейные сущности (смыслы) текста соотносимы с содержанием всех конкретных художественных текстов, поскольку являются определённой степенью абстрагирования содержания текста. Универсальные смыслы *время, пространство, человек, событие* образуют в совокупности с речевыми средствами их воплощения соответствующие *текстовые категории* — категории времени, пространства, героя, события. Семантизация каждой текстовой категории в конкретном тексте трансформирует универсальные смыслы в *индивидуальные*.

Установление глубинных связей между реально существующим миром и идеальными сущностями является основополагающим в эстетической когниции, а механизмами мышления и познания становятся элементы языковой структуры. Активное функционирование подтекста, метатекста и интертекста становится отправной точкой возникновения нового знания: так, именно в подтексте «формируются структуры знания, не имеющие адекватных форм языкового воплощения» [5, с. 5].

Семантически «колеблющийся» характер эстетического знака, его многоплановость побуждает реципиента к его творческому восприятию: один план изображения неожиданно сменяется другим, не отменяя первого, но углубляя и расширяя его. Значение эстетического знака содержит в себе антиномию — поэтическая реальность представляет собой систему художественных квазипредметов с их «колеблющейся» семантикой; узнавание квазипредметов с их противоречивым значением вызывает в читателе чувство эстетического удовлетворения. Гибкость поэтической семантики слов лежит в основе динамики словесного образа.

Для теории *художественной коммуникации* существенным явилось установление известного параллелизма между свойствами художественного текста и речевым актом. Так, к числу общих свойств художественного сообщения и языка как средства речевого общения относится *диалогичность* того и другого. «Целое высказывание — это уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи»), а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности — к истине, красоте и т. п. — и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку). Ответное понимание речевого целого всегда носит диалогический характер» [1, с. 305]. Однако лингвистические определения языка могут быть использованы для анализа художественного текста лишь как исходные термины описания, поскольку это не элементы системы языка, а моменты высказывания. Язык в любом случае ориентирован на диалог, и художественная коммуникация вскрывает эту диалогическую функцию языка.

Принятие за основу когнитивно-концептуальных, деятельностных подходов к речи, учитывающее психофизиологическую природу восприятия, позволяет приблизиться к собственно когнитивной и к психолингвистической трактовке речевого произведения. Это влечёт за собой необходимость установления механизмов когнитивно-ментального освоения действительности, её концептуализации сознанием, способов актуализации определённой части знаний и представления их с помощью значений языковых единиц в зависимости от эстетической и иной мотивации.

Процесс текстообразования и рецептивный потенциал текста представляют собой актуальные объекты исследования в современной лингвистической парадигме: «В центре внимания современной филологической науки стоит овладение динамическим аспектом текста, включающим в себя подробное изучение способов текстообразования, риторической программы продуцента с целью адекватного выявления авторских интенций и постижения идеи художественного произведения... отражает процесс сближения продуктивных и рецептивных навыков в диалоге «текст — читатель». В художественном тексте, представляющем особую форму коммуникации, происходит переход от актуализации к концептуализации с выходом в экстралингвистическую область, в условия текстовой деятельности субъектов

общения, в процессе которой человек познаёт и преобразует самого себя. Промежуточным этапом в этом направлении является рефлексия, то есть связь между пониманием знаков и самопониманием» [7, с. 3].

Текст, созданный творческой личностью, передаёт словесно выраженное знание внешнего мира, и с этой точки зрения он — знаковое отображение индивидуальной картины мира. Картина мира формируется как результат мироощущения, мировосприятия, представления о мире; она вырабатывается в процессе постижения многообразия мира, конструирования его в соответствии с логикой миропонимания и представления о нем. Таким образом, *концепция мира* — обязательный фрагмент картины мира. Концепция отражает способ понимания и познания мира человеком и является инструментом выработки образно-эстетических представлений о мире и человеке, его назначении, ценностях, соответствии высшим общечеловеческим идеалам. Концептуальная картина мира нуждается в вербальном выражении. Мысль о языке как посреднике в интерпретации мира была сформулирована в начале XIX в. В. Гумбольдтом: «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 304]. Посредством языка факты внеязыковой действительности преобразуются в объекты сознания.

«Язык в действии» играет ведущую роль в системе культурно-значимых средств коммуникации, формируя, тем самым, национальную картину мира в социокультурном контексте. Современная лингвистическая парадигма при опоре на концепции общей теории языка, риторики и герменевтики, прилегающая определённые результаты в сфере изучения художественного текста, создаёт фундамент для его наиболее доказательного и обоснованного анализа. Субъективность интерпретации исключается посредством выделения в художественном тексте метатекстовых маркёров, позволяющих установить специфику семантического и функционально-прагматического потенциала как определённого фрагмента, так и текста в целом.

Национальная картина мира в художественных текстах, как правило, репрезентирована фоновыми прецедентными элементами или текстами, тем самым представляя некие социокультурные сведения, специфичные для определённого этноса, освоенные нацией в целом и отражённые в языке. Такие прецедентные фоновые элементы или тексты могут быть квалифицированы как метатексты, создающие универсальную картину мира исходного национального языка, поддерживающие интертекстуальность национальной культуры на основе прецедентных фоновых знаний. Проблема передачи прецедентной информации — одна из самых важных в сфере перевода и общей теории текста и языка, так как национально маркированная лексика выполняет разнообразные функции, релевантные для адекватности перевода. «Метатексты мотивируют многообразие форм повествования (как отражений форм самой жизни), оправдывая уравнение в правах непосредственной реальности и воспоминания, действительно бывшего и воображённого, исторически и непосредственно переживаемого времени» [4, с. 298], что обуславливает также восприятие характеристик «первого» и «второго» языков, а также маркёров национальных языковых картин мира как элементов метатекстов. Особое значение в реализации метатекстового потенциала художественного текста имеет интертекстуальность, которая всегда становится условием выявления некоего метатекста, поскольку для более глубокого понимания конкретного художественного текста необходимо знание текстов прецедентных. Игровые структурные особенности метатекстов обусловлены применением различного рода конструкций «текст в тексте», частным случаем которых можно считать, например, наличие национальных маркеров первого языка в художественном тексте, созданном на втором языке.

Языковая личность, воспринимая тот или иной объект, не только реализует рецепцию, но и формирует аксиологическую систему, «встраивая» новый объект в уже существующие отношения и связи. Непосредственная рецепция отражена в дискурсивной деятельности как рассуждения, умозаключения и пр.

В когнитивной парадигме художественный текст осмысливается как эстетически мотивированная модель действительности и вербальное воплощение когнитивных компонентов концептосистемы создателя. Исследовательская разновидность такой модели строится с помощью сквозного когнитивного моделирования, являющегося специфической интерпретацией текста. Цель и принципы такого исследования обуславливаются общими особенностями когнитивного подхода к языковым / речевым явлениям, а также акцентированием эстетической мотивировки порождения художественного текста. Когнитивный подход позволяет определять «ценность» текста, то есть устанавливать, заложены ли в нём (и какие именно) основы семантической интерпретации и за счёт чего он существует. Обладая целостной системой категоризации концептуально-эстетического восприятия мира, когнитивизм расширяет возможности осмысления внутренних закономерностей искусства слова и способности человека творческого использования своих возможностей.

Текст предстаёт как концептуальный (когнитивный) теоретический конструкт динамической модели языка, что позволяет изучать его как действенный инструмент взаимодействия человека с миром, поместив текстообразование в онтологическую триаду «сознание — язык — мир». Для филологии XXI в. художественный текст мыслится уже не как замкнутая автономная структура, т. к. вектор современных исследований направлен на уточнение коммуникативной функции художественного текста. Такой ракурс предполагает рассмотрение художественного текста в системе «автор — произведение — читатель», как диалог художника с последующими поколениями. Рефлексивно-интерпретативное пространство фокусируется как в метатекстовых и метапоэтических характеристиках конкретного текста, так и в выяснении позиции читателя, автора и повествователя. Квалифицирование позиции наблюдателя варьируется от отождествления наблюдателя с одним из персонажей до повествователя,

приравниваемого к простому наблюдателю. Модель действительности, включающая в себя наблюдателей, мыслится как более сложная, поскольку читатель в ней занимает положение наблюдающего за наблюдателями, определённым образом выражающего отношение к наблюдаемому и наблюдателям. Эстетическая когниция усложняется не только за счёт восприятия художественного вымысла (fiction), но и за счёт включённости в сам процесс его восприятия другими наблюдателями. Тем самым читательская интерпретация апеллирует к рецепции уже воспринятой реальности и ситуации её восприятия. Метатекст в рефлексивно-интерпретативном пространстве выступает как отправная точка восприятия художественного текста, продуцирующая множественность его истолкования.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Сов. Россия, 1979. — 320 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
4. Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира Вл. Набокова / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М.: Языки рус. культуры, 1998. — С. 323–392.
5. Синельникова Л. Н. Когнитивно-языковая характеристика современного лирического сюжета: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Синельникова. — Краснодар: КубГУ, 1994. — 438 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер; [сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Бибихин]. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
7. Шульженко М. Ю. Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Шульженко. — Ставрополь, 2010. — 27 с.

References

1. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. — M.: Sov. Rossija, 1979. — 320 s.
2. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / V. fon Gumbol'dt. — M.: Progress, 1984. — 400 s.
3. Kubrjakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. — M.: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. — 245 s.
4. Levin Ju. I. Bispacial'nost' kak invariant pojeticheskogo mira Vl. Nabokova / Ju. I. Levin // Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. — M.: Jazyki rus. kul'tury, 1998. — S. 323–392.
5. Sinel'nikova L. N. Kognitivno-jazykovaja harakteristika sovremennogo liricheskogo sjuzheta: dis. ... dokt. filol. nauk / L. N. Sinel'nikova. — Krasnodar: KubGU, 1994. — 438 s.
6. Hajdegger M. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija / M. Hajdegger; [sost., per. s nem. i komment. V. V. Bibihin]. — M.: Respublika, 1993. — 447 s.
7. Shul'zhenko M. Ju. Process ponimania hudozhestvennogo teksta kak postizhenie ritoriko-germenevticheskoj organizovannosti smyslov (na materiale romana O. Uajl'da «Portret Doriana Greja»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M. Ju. Shul'zhenko. — Stavropol', 2010. — 27 s.

КУЗНЕЦОВА Анна Владимировна,

доктор филологічних наук, професор кафедри літератури та методики викладання Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: avk21@yandex.ru; тел.: 007 (863) 2831334; моб.: +7 918 5002312

ЕСТЕТИЧНА КАГАНЕЦЬ: МЕТАТЕКСТ У РЕФЛЕКСИВНО-ІНТЕРПРЕТАТИВНОМУ ПРОСТОРИ

Анотація. Вивчення метатекста з позицій сучасної лінгвістики співвідноситься з антропоцентричною дослідницькою парадигмою. Метатекст осмислюється в координатах модусних категорій: авторизації як кваліфікації переданої інформації в опозиції «своє / чуже» слово», оцінювання як аксіологічної складової повідомлення або його частини, персуазивності (оцінки мовцем повноти / неповноти своїх знань про достовірність переданої інформації), забезпечуючи, в цілому, естетичну когнітивну діяльність продуцента і реципієнта художнього тексту. Особливості структурно-семантичної та прагматичної організації такого тексту зумовлюються інтертекстуальністю та його метатекстовими характеристиками.

Ключові слова: інтерпретація, інтертекстуальність, лінгвокогнітивний потенціал, метатекст, прагматикон.

Anna V. KUZNETSOVA,

Doctor of Philological Sciences, Professor of Literature and Teaching Methods Department of the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: avk21@yandex.ru; tel.: 007(863) 2831334; mob.: +7 918 5002312

ESTHETIC COGNITION: THE METATEXT IN REFLEXIVE AND INTERPRETATIVE SPACE

Summary. Metatext is being studied from positions of modern linguistics corresponding to an anthropocentric research paradigm. The metatext is comprehended in coordinates of categories of modus: to authorization as qualification of given information in opposition «own / someone» else's» word», estimation as with an axiological component reported or its parts, a persuasivity (estimates Speaking completeness / incompleteness of the knowledge of reliability of given information), providing, as a whole, esthetic cognitive activity of a producer and the recipient of the art of text. Features of the structural-semantic and pragmatical organization of such text are caused by an intertextuality and its metatext characteristics.

Key words: interpretation, intertextuality, lingual and cognitive potential, metatext, pragmatikon.

Статтю отримано 19.01.2014 р.